

О К. Б. КАРАНДЕЕВЕ И ПЕРВЫХ ДНЯХ ИНСТИТУТА

Илья Филиппович КЛИСТОРИН,

ветеран ИАиЭ,

**Отличник народного образования СССР,
Заслуженный деятель науки и член-корреспондент
Академии наук Республики Молдова,
Заслуженный ветеран СО РАН,
доктор технических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института**

Я появился в г. Львове накануне ноябрьских праздников 1945 г. после демобилизации из Советской армии, проездом из Венгрии в Россию. Ходил по улицам и увидел вывеску Политехнического института о приеме на учебу, в том числе на электротехнический факультет. Захотелось осуществить свою мечту - стать радиоинженером. Так я познакомился с деканом факультета профессором К.Б.Карандеевым. Он посоветовал мне поступать на специальность - электроизмерительная техника. Поскольку у меня документов об окончании школы не было, то пришлось сдавать одновременно вступительные экзамены и сессию. И вот 10 февраля 1946 г. я был зачислен студентом 1-го курса. На 4-м курсе К.Б.Карандеев предложил мне после окончания института поступить к нему в аспирантуру. В 1950 г. я окончил институт, осенью поступил в аспирантуру и в июне 1953 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию. В августе 1953 г. стал заместителем декана нового радиотехнического факультета.

Летом 1957 г. академики М.А.Лаврентьев и А.Ю.Ишилинский пригласили К.Б.Карандеева в Сибирь на должность директора одного из первых шести институтов (гидродинамики, математики, механики, теплофизики, экономики, автоматики).

Прошли выборы в АН СССР, и К.Б.Карандеев - чл.-кор. АН СССР занялся формированием Института. Мне пришлось подключиться к этому делу. И вот летом 1958 г. сначала жена, а через месяц и я с семьей прибыли в г. Новосибирск. Первоначально Институт насчитывал около 20 человек и был разбросан в разных местах города. Большая группа сотрудников, приехавших из г. Львова (Львовская колония), жила в четырехкомнатной квартире, выде-

ленной НЭТИ К.Б.Карандееву. Здесь же по комнате занимали семьи И.Митюхина, А.Красиленко и моя, а одну комнату занимали «холостяки» - Р.Гриневиц, Б.Карпюк, Р.Штамбергер. Там я прожил до конца 1958 г., а под Новый год жене от НЭТИ дали квартиру.

К.Соболевский, которому было поручено научно-организационное руководство львовской группой сотрудников Института, помогал подбирать кадры.

Директор Института К.Б.Карандеев, его секретарь и я - исполняющий обязанности ст.н.с., а фактически администратор - помощник директора, располагались в одной комнате в здании на Советской, 20. Сотрудники работали в СибНИА, Институте метрологии и НЭТИ. С января 1959 г. я был назначен ученым секретарем Института. Основная обязанность административная работа и комплектование кадрами Института. Несколько раз выезжал в Москву, Ленинград и Львов. Первое время комплектование кадрами вели из научных учреждений г. Львова учеников и сотрудников К.Б.Карандеева, выпускников Политехнического института. Принимали три года подряд по 10 человек. Пользуясь правом первоочередного и персонального отбора, набирали выпускников также из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Так появились в Институте: П.Твердохлеб, А.Шеломанов, С.Шеломанова, В.Дегтярник, Л.Тимонен, А.Мезенцева, С.Васков, Н.Васькова, А.Домарацкий, Е.Карышев, Т.Мантуш, О.Мантуш, Н.Гореликов, И.Коршевер, Б. Панков и многие другие. С жильем было очень трудно. Семейные снимали комнаты (часто еле отапливаемые) в частном секторе. Холостяки в конце 1959 г. получили возможность поселиться в общежитии (так называемом «Гастрономе» по ул. Державина.

Это была комната на 20 человек с цементным полом.

На должности ученого секретаря я проработал до октября 1959 г. К.Б.Карандеев сказал, что освободит меня, если я найду достойную замену. И вот в октябре 1959 г. из г. Львова приехал его ученик М.Титаренко, который согласился выполнять эту работу. На основе существовавшей уже тогда небольшой группы в 5-6 человек (В.Дегтярник, С.Васьков, Г.Матушкин и др.) и была организована моя лаборатория «Компенсационных методов измерений». Задача - построение цифровых вольтметров переменного тока. Позднее задача переросла в создание аналого-цифровых преобразователей для интегральных характеристик сигналов.

В то время это было перспективное направление. Первым в лаборатории защитился С.Васьков с 1963 г. Дальше - больше. В 1965 г. Н.Гореликов, а в 1966 г. В.Белов, в 1967 г. А.Ковалев, Ю.Чусовков, И. Коршевер В 1968 г. я защитил докторскую диссертацию. Численный состав лаборатории неуклонно рос. Внутри самой лаборатории появились самостоятельные группы Н.Гореликова, Г.Матушкина, И.Коршевера. В Институте ввели отделы, и я был назначен заведующим отделом «Цифровые системы и их элементы», а лаборатория получила индекс 3-1.

К.Б.Карандеев говорил, что плох тот учитель, которого не превзошли его ученики. Смею считать, что хоть частично соответствую этому правилу. Сотрудники ИАиЭ (и бывшие) С.Васьков, А.Ковалев, В.Белов, Н.Гореликов, В.Кирьянов, И.Коршевер, А.Лубков, В.Зюбин, Г.Матушкин, А.Подзин, А.Щербаченко и др. (уже более 20 человек) стали кандидатами наук, а часть из них затем и докторами наук. В Кишиневе также подготовлены мои ученики, в том числе доктора наук (более 30 человек).

1972 г. на конференцию в СО АН приехал ректор Кишиневского политехнического института, и он предложил мне организовать и возглавить кафедру. И в мае 1973 г. я вместе с С.Васьковым, В.Беловым отправился в г. Кишинев. Через год они вернулись в Новосибирск. (Васьков заболел, и Белов не захотел оставаться один). Жаль, конечно, было оставлять наработанное. Но дело не пропало, и ученики подхватили эстафету.

В начале 1995 г. я вернулся в ИАЭ СО РАН.

Кадры решают все - это не просто фраза. К.Б.Карандеев - сугубо гражданский человек, никогда в армии не служивший, каждого человека характеризовал так: «Я с этим пошел бы в разведку, а с этим нет». Я считал, что все в коллективе должны знать и понимать постав-

ленную задачу, и не боялся обсуждать ее с подчиненными. И если человек способен, то заставлял работать и в том числе с выходом на диссертацию. Не боялся конкуренции.

Константин Борисович, с очень давних времен просматривая публикации широчайшего диапазона - газеты и календари, художественную литературу различных жанров, особенно библиотеку приключений и научную фантастику, серию «Жизнь замечательных людей», популярные научно-технические издания и научную периодику, - делал и собирал краткие выписки метких выражений, афоризмов, заключений и выводов. У него было собрано очень много вырезок из газет, популярных и научных журналов и т. п. на самые различные темы - о его профессиональной научной деятельности до бесед о повседневной жизни с домочадцами и друзьями, которые у него бывали дома постоянно.

Константин Борисович приносил каждому сотруднику, особенно близким ученикам ссылки на публикации, соответственно их научным или профессиональным интересам, и почти всегда раньше, чем каждый из нас их находил самостоятельно. Передавал «пилюлю», подчеркивая, что там-то сделано или тот-то сделал раньше, лучше, чем мы (институт, отдел, лаборатория, тот или иной его сотрудник, занимавшийся этим вопросом). Попрекал и торопил каждого из нас, особенно в последние годы жизни, заявляя, что ему осталось жить мало, а сделать нужно еще много.

Но, вместе с тем, Константин Борисович любил делать приятное всем, особенно близким и друзьям - приносил сообщения не только по профессиональным интересам, но и по увлечениям. Например, сообщение о выпуске каких-либо принадлежностей для автолюбителя и т.п., сделать подарок - набор отверток для домашнего мастерства, марки или открытки для коллекции и т.п.

Жил Константин Борисович и делами, и интересами своих учеников и сотрудников. Он считал, что человек, а ученый подавно - жив в своих учениках. Он постоянно воспитывал своих учеников не только профессионально, но и в самом широком смысле этого слова. Он неоднократно заявлял, что если ты не готов или не хочешь или не можешь отдать людям все, что знаешь, и всего себя - не становись педагогом (в школе, в музучилище, вузе и т.д.)

Константин Борисович обладал удивительным даром распознавать людей по их способностям и умениям, чутьем угадывать будущий талант в молодых людях, подбирать наиболее плодотворное занятие или направление работы своим ученикам и сотрудникам. У

него был «собачий» нюх на то, что можно поручить каждому, чтобы отдача от него была максимальной (хотя были промахи, например, «Конь», Васильев и др.). Это позволяло ему создавать сильные и весьма плодотворные коллективы.

О львовском периоде жизни Константина Борисовича:

- кафедра очень большая, включавшая до 22 преподавателей и по 12 - 17 аспирантов одновременно;

- лаборатория, затем отдел, а ныне ОКБ (Б. Швецкого), включавшее сотни сотрудников;

- крупный научный отдел в Институте машиноведения и автоматики АН УССР.

Константин Борисович был человеком широко образованным, рассказчиком удивительным, знал весьма большой репертуар разнообразной литературы и очень много из рассказов и общения с огромным (широчайшим) кругом интересных людей - артистов, писателей, ученых, врачей, спортсменов и т. д. В беседе за столом или в кругу друзей, или в театре (антракте) мог поведать уйму удивительных историй, анекдотов, притчей и т. п. Своим ученикам (сотрудникам) прививал знания по музыке (особенно классической, и в первую очередь оперной), которую знал изумительно хорошо. Много рассказывал об истории музыки, появлении той или иной оперы, или других музыкальных произведений. Очень понимал и ценил балет. Ведь наряду с двумя техническими специальностями Ленинградского ПИ, он окончил или почти окончил балетную студию. Кстати, одна из его жен была балериной. Многих из своего окружения, особенно учеников, он приглашал, а иногда и заставлял (нам же всегда некогда было) ходить с ним в оперу, организовывал чуть ли не культпоходы семьями.

Много внимания уделял спорту. Знал и разбирался в разнообразных его видах. Любил ходить на соревнования, на стадион, особенно на футбол. Но, конечно, больше всего любил теннис (большой). Сам играл хорошо, в классическом, мягком (аристократическом) стиле. Играл до конца львовского периода жизни. Имел 1-й разряд (до войны и по классическим меркам). Играл почти на равных, особенно в парных встречах, с современными перворазрядниками (с 1950-198 гг.), только уступая им в скорости, агрессивности, силовой игре с выходом к сетке. Очень любил посещать соревнования (союзные, республиканские или ДСО), а будучи в Москве - непременно, если таковые были. Очень много рассказывал о них и о их участниках, звездах (прошлых) нашего и зару-

бежного тенниса. Заставлял нас, молодых, аспирантов и сотрудников (меня, В.А.Петровского, А.Я.Шрамкова и др.) заниматься теннисом. Сказал, что будем сдавать ему зачет (кроме экзаменов и зачет по аспирантуре).

Но не просто заставлял, а учил и дарил ракетки. И как мне не было трудно из-за раненой ноги (иногда выл от боли), но это помогало мне разрабатывать ногу. Правда, мало кто из нас по-настоящему увлекся теннисом, а для меня это стало увлечением на долгий период жизни.

Константин Борисович - педагог по призванию не очень любил читать лекции студентам, особенно стандартные дисциплины, например, общий курс измерений. Читал он их с неохотой и без вдохновения. К таким дисциплинам (общий курс измерений, спецметоды измерений) он относился несколько с прохладцей, часто его подменяли его ученики. Это было связано с его занятостью, частыми командировками. Он не любил математические выкладки. Но вот вводные, заключительные, обобщающие лекции и отдельные темы (по некоторым разделам мостовых методов, п.п. измерительным приборам и др.) - это были действительно вдохновенные лекции, изливания души. А учитывая высочайшую культуру речи его, эти лекции можно было отнести к образцовым. Они были насыщены проблемами и построены были артистически. Я понял это после окончания института и особенно тогда, когда сам стал преподавателем. Он разнообразил лекции отступлениями на вольную тему, но всегда тесно вплетенными в содержание лекции.

Особенно он любил беседовать с аспирантами и соискателями в львовский и ранний сибирский периоды. Обычно он ставил задачу в общем, раскрывая проблему в целом, не зажимал инициативу ученика, как бы делая его участником постановки задачи и полностью возлагая на него детальную разработку темы. Давал темы новаторские, трудные и пока нерешенные. Он говорил, что если бы знал, как решить данную задачу, сам бы быстрее написал бы статью. Но так как не знает, как решить эту задачу, а она актуальна, то пусть ее решит аспирант или соискатель, а он - К.Б. - поучится. Он умел вселять уверенность, умел увлечь идеей. Детальную проработку задачи диссертант должен был осуществлять сам. Он никогда не культивировал мелочную опеку, не навязывал своего решения. Но когда кто-либо из учеников заходил в тупик с работой, Константин Борисович мог найти подход к нему, да и к каждому в отдельности, учитывая характер и особенности, наклонности и возможности каждого.